

Стенограмма программы Talap Talks «КАНАТ НУРОВ: 10 достижений и 10 вызовов за 30 лет независимости» от 18.11.21.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Добрый день. Я рад вас приветствовать на нашем ютуб-канале Talap Talks. Мы продолжаем серию эфиров в формате интервью, посвященных рефлексии по поводу того с какими достижениями, с какими вызовами отмечаем важную для нас дату 30 лет независимости нашей страны. Сегодня у нас в гостях Канат Нуров – депутат Мажилиса Парламента, также до этого, и сейчас, наверное, председатель Попечительского совета Научно-образовательного фонда «Аспандау». Для меня лично Канат Ильич это такой очень яркий, репрезентативный представитель традиционной алматинской интеллигенции, который волею судеб, неожиданно наверно для себя, Канат Ильич, через НСОД, через деятельность вы оказались в нашей столице Нур-Султане. Я с интересом наблюдаю за вашими постами в Фейсбуке, где вы рассказываете историю алматинского интеллигента, который был призван в законодательный орган служить стране. И так, Канат Ильич, мы понимаем, что безусловно, как и любая дата, любая цифра – это определенное упрощение, но тем не менее оно позволяет упорядочивать восприятие и это действительно же хороший повод для рефлексии – 30 лет независимости. Какие бы 10 важнейших достижений вы бы выявили для вас лично, ваш конкретно субъективный взгляд?

КАНАТ НУРОВ: Я бы так сказал, что я не могу конкретно назвать все 10, но если размышлять я бы попытался...

РАХИМ ОШАКБАЕВ: И приоритезировать.

КАНАТ НУРОВ: Да, и приоритезировать, то прежде всего я бы хотел отметить, что у нас на сегодняшний день казахское национальное государство состоялось. Это, я считаю, самое главное достижение 30 лет.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Именно казахское национальное, не казахстанское?

КАНАТ НУРОВ: В данном случае речь идет о государстве казахов и оно является Казахстаном. Т.е. для меня это вещи просто с разных концов: Казахстан – это общегражданское понятие в данном случае.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: А 6-7 миллионов, которые не являются этническими казахами казахстанцев?

КАНАТ НУРОВ: Они являются казахстанцами. И в данном случае они живут в национальном государстве казахов. И поскольку оно национальное государство, они все являются гражданами и, естественно, они все казахстанцы. Но титульная национальность у этой гражданской общности казахи. Не нужно убегать от этого, я считаю, что вы знаете, меня трудно заподозрить в национализме каком-либо.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Неожиданно. Ну это вечный спор – все-таки гражданская у нас...

КАНАТ НУРОВ: Т.е. в данном случае здесь не нужно этого бояться в том плане, что в основе даже импероподобных, как говорят, государств-империй все равно есть какое-то этническое ядро титульной национальности. Даже в США, казалось бы, нет американской национальности, но есть американская нация как гражданская общность. И тем не менее мы должны признать, что там все-таки есть англосаксонское этническое ядро культурное. И в данном случае то, что есть титульная национальность среди всех национальностей единой гражданской общности казахстанской нации “казахи” – это нормально.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Как в Америке англосаксы вы считаете?

КАНАТ НУРОВ: Да, типа такого. Это нормально, что национальное государство казахов состоялось. Что я имею прежде всего? Это международно признанные границы. Т.е. демаркация, делимитация и все что с этим связано. Я считаю это не маловажно. Как оказалось, у такого большого государства как Украина оказались с этим проблемы. Хотя вроде бы и гарантии безопасности даны ему, все что там угодно, но в конечном итоге если ты не занимался этим вопросом, все упирается в технические эти детали. Я считаю, то, что мы международные границы все по всему периметру нашей страны обозначили – это очень важное достижение, это очень важная составляющая национального государства. Т.е. время и пространство. Время – уже прошло 30 лет. Пространство четко очерчено. И еще у нас, я бы добавил к этому критерию... Почему у меня получается не так много достижений, потому что я стараюсь, к примеру, эти две позиции – границы международные и национальная гражданская идентичность какая-то единая создалась – это можно рассматривать как отдельные достижения. Но все-таки я считаю это все критерии национального государства, что оно состоялось. За эти 30 лет у нас возникла национальная гражданская идентичность единая.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Это не оксюморон – национальная и гражданская, взаимоисключающий...?

КАНАТ НУРОВ: Нет. Дело в том, что для меня национальное – это прежде всего гражданская составляющая, общегражданская. В то время как этническое – это скорее национальность, то есть этнические национальности и есть гражданская нация. Для меня это чуть разные вещи. И в этом отношении казахстанцы это гражданская нация, а казахи – это титульная национальность. Понятно дело, что рано или поздно, если все будут считать себя казахами сами по себе – это прекрасно. К примеру, говорят же казах такой-то национальности, такого-то происхождения – не проблема. Но это все-таки на бытовом уровне. Понятное дело, что на уровне логическом, естественно, что граждане Казахстана это казахстанцы, а казахи – это титульная национальность. Да титульная, но одна из многих национальностей.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Но они важнее всех остальных...

КАНАТ НУРОВ: Я не могу этого сказать, почему? Потому что с точки зрения большинства они – большинство. И с точки зрения исторического коренного населения они коренные жители, как говорят, автохтонное население.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Ну это мало кто ставит под сомнение вообще в целом. Это вроде как само собой разумеющееся, что оно автохтонное. В Конституции у нас, напомню, «на исконной казахской земле».

КАНАТ НУРОВ: Да, но это не значит, что те, кто обладает титульной национальностью имеют больше прав, чем остальные национальности.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Но для вас они важнее?

КАНАТ НУРОВ: Нет. Я считаю, что в данном случае мы обозначаем государство... Т.е. просто не все национальности являются нацией и обладают собственным государством. В этом суть национализма – любая национальность стремится стать нацией, обрести собственное государство. Вы знаете, это не секрет, что есть конфликт культур - любая культура стремится доминировать, натывается на другую культуру, естественно, возникает взаимопроникновение, диффузия и прочие дела, но в любом случае конфликт культур всегда есть. И в этом отношении каждая национальность стремится иметь свое собственное государство. На этом позитивная роль национализма заканчивается, когда оно добивается этого. Потом уже национализм превращается в шовинизм, нацизм и

прочие дела. Я считаю, что единственная позитивная цель национализма — это обретение собственной государственности. В этом отношении, мы ее обрели, казахи, и то, что мы сделали ее общегражданской (для всех казахстанцев, а не только для казахов) — это самое важное достижение за все эти 30 лет. Т.е. в данном случае, я имею ввиду, что состоялось национальное государство, появилась гражданская общность с титульной национальностью, но гражданская общность с равными правами для всех. В этом смысле нация-государство, национальное государство состоялось. И естественно здесь есть свои вызовы. Т.е. все ваши вопросы я понимаю откуда они идут, и я естественно говорю, вызовы есть.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: О вызовах я предлагаю поговорить во второй части.

КАНАТ НУРОВ: Я просто к тому, что если мы отделим одно от другого... У меня именно такой подход: вот достижение — а вот вызов, связанный с этим достижением. Потому что в любом достижении кроется проблема.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Хорошо. По приоритезации мы будем в отношении достижений или вызовов список составлять?

КАНАТ НУРОВ: Т.е. в данном случае, когда я говорю «первое достижение» ...

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Это самое главное для вас в вашей личной табели о рангах.

КАНАТ НУРОВ: Да. Возможно я не все хорошо продумал, но психологически у меня сложилось так. Т.е. я не особо задумывался о приоритезации, но психологически сложилось так. И какой вызов связан прежде всего с этим достижением? Тот, что казахский язык, как государственный язык, по-прежнему уступает русскому языку в административной, правовой части, технической, медицинской и т.д., и т.п. Т.е. по сути дела, как язык делопроизводства, он проигрывает русскому. И в этом секрет того, что, казалось бы, 30 лет столько денег вкладываем, столько всего сделали в отношении развития казахского языка, а все равно он пока не обрел статуса такого же межнационального общения, как русский язык. В этом же основная загвоздка — мы хотим, чтобы казахский язык стал языком межнационального общения внутри Казахстана! Но пока он таковым не стал. Несмотря на то, что у нас по сути дела (каждый раз цифры увеличиваются — раньше говорили 60%, сейчас говорят 70%, 80% и даже к 90% подходит) уже большинство людей разговаривают на казахском. Но на самом деле они же говорят на бытовом языке. На бытовом да, без проблем, мы все вроде как бы на казахском говорим. Но я хотел бы, чтобы казахский язык действительно стал государственным, чтоб законы писались на казахском языке и потом переводились на русские, а не наоборот.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Вот вы, как член Парламента сейчас, законы пишете на русском языке?

КАНАТ НУРОВ: Естественно. Я думаю, что любой, наверное, так делает. Можете не сомневаться. По крайней мере мое личное ощущение такое.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Т.е. законы преимущественно дорабатываются, пишутся, разрабатываются на русском языке, затем переводятся на казахский язык?

КАНАТ НУРОВ: Естественно. И я объясню почему. Это не просто так. Дело в том, что у нас возникла проблема за все эти 30 лет. То, что в свое время сделала Россия и другие индустриальные страны, индустриальные нации — они провели терминологическую унификацию и стандартизацию языка. Т.е. когда мы говорим «литературный язык», мы должны понимать, что слово «литературный» — довольно широкое понятие с огромным количеством смыслов. В частности, когда мы говорим «литературный язык», мы имеем в

виду письменный язык, язык делопроизводства, а не язык художественной литературы. Почему это важно? Потому что для общественного производства, для технологий, в том числе общественного взаимодействия, очень важна строгость терминов. В чем отличие термина, как научного продукта, от других слов обычного языка? В том, что он однозначен, а слова естественного языка очень многозначны. И на этом стоит вся поэзия и литература и юмор наш, по сути дела. Но у казахского языка особенная статья. Он настолько богат своей многообразностью, что мы сделали это своим жупелом и за него держимся и боимся этой терминологической стандартизации и унификации. Хотя на самом деле это – настоятельная потребность делопроизводства. Без создания письменного литературного языка делопроизводства (а не художественной литературы) он не победит русский язык.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Канат Ильич, правильно ли я вас понял, вы считаете, вызов — это реформа, не побоюсь этого слова, языка казахского?

КАНАТ НУРОВ: Не реформа языка, а упорядочение, терминологическое упорядочение, стандартизация. К примеру, я хочу, чтобы, когда мы делаем язык делопроизводства, письменный язык казахский (я просто боюсь слово литературный, потому что многие воспринимают его на бытовом уровне, как [язык] художественной литературы) ... технологический язык (индустриальный язык) должен быть терминологически унифицирован, стандартизирован. Это означает, что напротив каждого слова естественного языка мы ставим первенствующее и единственное специфическое значение. Потом, через запятую, может быть много других значений и смыслов, но первенствующее должно быть. Это большая проблема, на самом деле. К примеру, чтобы было представление раз уж мы задеваем вопрос национального государства, для меня, как для шала-казаха, вполне естественно, что есть Тайпа, есть Ру, есть Ел, и есть Ұлт. Но оказывается для многих казахов даже для казахоговорящих это не факт, что же говорит про шала-казахов! Ұлт для меня – это нация, гражданский уровень позиционирования общности территориальной, т.е. она надэтнична, над родами и племенами стоит. Потом ел – это по сути дела национальность. «Елің кім» говорят – «какого ты народа», по сути дела. А у нас переводят по-советски «какого ты племени». Но опять же очень многие даже не знают, что ел – это по сути дела народность, народ, национальность этническая. Потому что мы говорим, к примеру, ел басы. Что мы имеем в виду? Именно в этом аспекте – лидер нации, лидер национальности, лидер народа. Но когда мы говорим қазақ елі, и именно это проповедуем как название нашей страны, то мы имеем в виду страну, а не народ; мы же не говорим казахская нация или казахский народ, мы говорим казахская страна, страна казахов. Так ведь? Т.е. уже на этом уровне у нас большие проблемы. Я все-таки считаю, слово ел имеет первенствующее терминологическое значение это – народ, в смысле народности, национальности, этнического происхождения – елің кім. И уже здесь у нас проблемы, если на таком официальном уровне проблемы – лидер нации это ел басы, в то же время страна казахов это қазақ елі – давайте определимся уже в конце концов, это же важно для построения не то что государства, а вообще обычного взаимодействия общественного. И в этом отношении, к примеру, если вы откроете паспорт (раз уж речь зашла об этом), там написано «национальность какая», допустим, - ұлты. Извините меня, ұлты – это по сути дела гражданство. Да, есть такое слово азаматшылық, но извините меня, в данном случае имеется в виду специфический момент – ұлт это гражданская нация, мы все қазақ ұлты, т.е. мы все – граждане Казахстана, а когда вы пишете национальность, например, чеченец, ты же не можешь в казахском паспорте писать «ұлты – чеченец». Ты же пишешь чеченец - елі. Это разумно. Это же таксономические уровни этнического позиционирования у любой национальности, народа.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Есть очень много кейсов, буквально войн между казаховедами, между различными госорганами, министерствами, КПМ и госорганы или КПМ и Мажилис Парламента. Законопроекты зависают из-за этого, потому что ломают копыя.

КАНАТ НУРОВ: Нет терминологической стандартизации.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Когда мы создавали гражданский штаб «Ел үшін егілемін», какая-то часть казахоязычных казахов посчитали, что мы очень здорово и поэтично подобрали название, а какая-то часть сказали: нет, вы неправильно подобрали, это не прививаться, в смысле, не вакцина, а прививка и т.д. Это, наверно, очередное проявление с одной стороны большого преимущества этой образности, многоаспектности языка, с другой стороны, все-таки, неустоявшиеся технологические термины.

КАНАТ НУРОВ: Я еще раз скажу, если мы хотим стать действительно индустриальной нацией, даже постиндустриальной, информационной нацией, это надо сделать. Мы должны провести терминологическую унификацию и стандартизацию слов казахского языка.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Просто как вопрос: я слышал такое мнение, что почему бы не делать индустриализацию на устоявшемся общепринятом английском языке, который является самым развитым с точки зрения применимости к технологиям.

КАНАТ НУРОВ: Повторюсь еще раз, речь идет в данном случае не столько о заимствовании каких-то слов... Это вполне нормально. У любого языка, а у казахского особенно не меньше, чем у русского есть хорошо развитый иммунитет языковой. К примеру, слово шот - это казахское слово счет. Казалось бы, это просто заимствованное слово, но у нас довольно сильный иммунитет – шот – это вполне казахское слово. Я не против заимствований. Я сейчас говорю о другом – у нас огромное количество слов имеют абсолютно равные по значению смыслы. И когда ты в технологиях, во взаимодействиях административных - так дело не пойдет.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: И так, вызов – это унификация терминологии казахского языка.

КАНАТ НУРОВ: Да, стандартизация слов казахского языка, т.е. создание языка делопроизводства, т.е. литературного, письменного языка.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: В этом отношении, завершая, вы видите какие-то подвижки?

КАНАТ НУРОВ: Я не вижу никаких подвижек потому что на сегодняшний день, насколько я понимаю, это все отдано на откуп отраслевым – создание казахских слов и прочие дела. А вопрос стандартизации, терминологической унификации – нет, я не вижу такого движения, что что-то начинается в этом направлении делаться. Мы придумываем слова, а упорядочить слова мы не хотим.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: А в рамках перехода на латиницу, в рамках этой реформы?

КАНАТ НУРОВ: А латиница не причем. Это просто транслитерация, т.е. каким алфавитом мы пишем слова. Здесь не важно. Я считаю, латиница – это вообще вопрос десятый. Для начала давайте определимся с первенствующими нормативными значениями, специфическими для каждого слова естественного языка. Естественно, это не ограничит естественный язык. Но зато для делопроизводства это имеет первенствующее значение.

Теперь перейдем ко второму достижению и вызову. Я считаю в этом отношении наша правящая партия Нур Отан права – мы закрыли Семипалатинский полигон и остановили трагедию Арала. Я считаю, это тоже важные достижения за эти годы, за годы

независимости. В чем достижение, наверно, нет смысл объяснять – экологическая катастрофа Арала и Семипалатинска, их экологическое значение огромно.

И какой вызов связан с этим? Сможем ли мы выдержать декорбонизацию нашей экономики без АЭС. Сможет ли и ветровая, и солнечная энергия, даже если возьмем газ... Казалось бы, газа много, но не факт, что газ будет всегда и по доступной цене, в том числе для обогрева нашей Алматы. Т.е. да, возможно, электричество не проблема, но теплоэнергетика, горячая вода... На газе греть? Если будет газ всегда – это хорошо. А если он будет к тому же не дорогой – еще лучше. Но это совсем не факт. Я думаю, проблема здесь большая. Т.е. как мы выдержим вызов декорбонизации. Все-таки весь мир нас к этому подталкивает. Сколько мы должны сделать инвестиций и хватит ли у нас воли все это довести до конца.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Т.е. вызов — это что – преодоление радиофобии?

КАНАТ НУРОВ: Нет. Как мы выдержим декорбонизацию нашей экономики, сможем ли довести дело до конца без АЭС. Но если без АЭС невозможно, то придется, наверно и к АЭС прибегнуть. Но в данном случае экономика должна быть декорбонизирована. Это понятно, да? И в этом отношении туда же я бы отнес и восстановление Арала. Сможем ли мы сделать зеленой нашей экономику, энергетика прежде всего, и восстановить Арал. Здесь есть проблема большая, потому что не секрет, что Арал обмелел из-за, наверно, риса и хлопка. И я понимаю, что надо разговаривать с Узбекистаном, со всеми другими, кто влияет на всю эту проблему, но прежде всего мы же сами... У нас есть и рис, и хлопок, который забирают воду из него. И не факт, что этот рис и хлопок имеет важное экономическое значение в структуре хозяйства нашей страны. Не факт. Я считаю, что даже если и имеет, то давайте считать – а экологическая катастрофа какой наносит ущерб экономике? Потому что экономика для меня это прежде всего качество жизни человека и как люди дышат всем этим. И если восстановится Арал, все-таки я считаю, это большая ценность экономическая для страны. Давайте поймем насколько... другие страны сопутствуют трагедии Арала, а мы-то что? Мы свой вклад же вносим. Мы же вносим. Для меня это вызов – сможем ли мы выдержать декорбонизацию нашей экономики и при этом восстановить Арал, т.е. понять, что делать с рисом и хлопком, насколько он нам нужен, насколько выгоды от него превышают ущерб экологический от трагедии Арала. Ведь вполне возможно все те же самые сельхозпроизводители... не скажу, что они жируют, они совсем мне кажется не жируют на хлопке и на рисе. Может стоит им заняться чем-то другим, может государство должно им помочь субсидированием каким-то опять же, сори, хотя я не люблю субсидии, но как-то подойти к этому надо. Я считаю это вызов. Я не говорю, что я знаю путь разрешения проблемы, но вызов, т.е. проблема, возникающая с тем, что предстоит дальше сделать, она есть. Т.е. это второе достижение и второй вызов.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Отлично.

КАНАТ НУРОВ: Знаете, я все-таки боюсь показаться банальным, но я считаю, то, что мы создали рыночную экономику это важное достижение 30 лет. Когда мы говорим: «ребята, рыночная экономика — это естественное состояние человеческого общества», вот совсем не так. Это не так. Естественное состояние человеческого общества это – коррупция, администрирование, сильные довлеют над слабыми. Т.е. рынок – это торговые отношения, это договоры, это обмен. А возьмите базар, оставьте вне государственного регулирования, базаркомы тут же определят вам по каким ценам все должны продавать. О чем и речь, о каком рыночном взаимодействии здесь может идти речь! Рыночные отношения — это очень искусная политика государства по обеспечению функционирования свободного рынка чтобы неравные лица были равноправны и

осуществлялся обмен товарами, чтоб ресурсы распределялись в обществе при помощи информации, а не при помощи силы; при помощи права, а не при помощи не важно какого принуждения, в том числе государственного принуждения. Т.е. я считаю то, что существуют у нас все необходимые предпосылки рыночной экономики — это большое достижение. Все-таки мы смогли построить рынок. Я скажу, никогда не было у казахов проблем с модернизацией в этом смысле. Мол, традиции казахские, якобы, против рынка. Всегда они были за рынок. Казахские традиции свободы очень хорошо вписываются в рыночную экономику. Я считаю, что здесь если это и достижение, то это довольно хорошее, важное достижение, но ни о какой маргинализации, пауперизации и прочих проблем, которыми нас пугали... Вы знаете, когда восточные страны сталкиваются с этим, эти процессы социальные хорошо проявляются. Я считаю, что Казахстан в этом отношении не тот пример, когда модернизация традиционной структуры выдавала такие продукты социальные в виде маргинализации, пауперизации и люмпенизации. Я считаю все-таки сама по себе модернизация рыночная не произвела такого эффекта. Возможно из-за других эффектов какие-то элементы этого есть, но не от рынка. Я считаю, что сама по себе модернизация нашего общества традиционной структуры казахов как советского образца, так и досоветского хорошо вписалась в рынок. И какой есть вызов?

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Обратная сторона капитализма.

КАНАТ НУРОВ: Обратная сторона, да, т.е. что мы должны сделать. Знаете, есть в управлении переменами термин «риск возврата». Сейчас мы наблюдаем возврат к антирыночным традициям, стереотипам, и мы видим, экономика полностью становится централизованной, монополизированной, собственность сконцентрировалась. Именно это мешает товарообороту. Повышаются транзакционные издержки по экономике в целом. Об этом уже не первый раз пытается говорить президент. Он пытается хоть как-то что-то сделать.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Вы имеете в виду большую долю государства, государственных компаний, национальных компаний?

КАНАТ НУРОВ: Естественно. По сути дела, у нас в госсектор, квазигоссектор очень большую долю играет в экономике. Мы, да, создали рыночную экономику, но мы пока ничего не можем сделать, как бы не объявляли борьбу с Самрук-Энерго, с Самрук-Казыной, с Байтереком, вообще с государством мы ничего не можем сделать. Это большая роль в экономике. Т.е. если брать, как говорят, расширенного Правительства бюджет, а не просто республиканский бюджет, то мы увидим, что там примерно, не то что 60-70% собственности госсектора, квазигоссектора в экономике, а вообще 90% государственных расходов влияют, по сути дела, составляют всю экономику. По крайней мере это по данным Каирбека Арыстанбекова, помните, да?

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Да.

КАНАТ НУРОВ: Ну я в целом согласен, что в общем, в целом, если собственность государства или квазигоссектора до 70% доходит, то вполне возможно, что бюджет расширенного Правительства до 90% составляет.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Госкомпании являются крупнейшими работодателями. В целом государство прямо, косвенно создаете более 50%.

КАНАТ НУРОВ: Да и ничего с этим пока сделать не можем, особенно в условиях пандемии. Т.е. мы вливаем, вливаем и вливаем. Это наверно правильно, это левые социально-ориентированные меры, без них никак не обойтись. Но возник большой

большой вызов в связи с этим. Сможем ли мы теперь, оказавшись в новой реальности, мы по сути дела, возвращаемся...

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Вот как раз новая реальность, Канат Ильич, не пошатнула ваши такие, я бы сказал, стандартные, ортодоксальные праволиберальные воззрения на свободу рынка и примат частной собственности?

КАНАТ НУРОВ: Наоборот она меня убедила в том, что, как говорил и Хаек и все остальные, что коммунизм/социализм всегда будет популярен. Поэтому надо с этим бороться и не думать, что он ушел в прошлое.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Очень интересно. Я думал оборотной стороной вы назовете достаточно очевидный, говоря эпитетами, звериный оскал капитализма — это все-таки неравенство.

КАНАТ НУРОВ: Нет. Я думаю, что нет.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Очень интересно, что события последних десятилетий в глобальном масштабе и в таком заставили еще больше убедиться Вас в праволиберальных идеалах. Я наоборот сильно полевел.

КАНАТ НУРОВ: Поэтому для меня вызов, связанный с таким достижением как построение рыночной экономики, связан не со «звериным оскалом капитализма», как вы говорите, как его нейтрализовать, а именно с тем, как нам деконцентрировать собственность в экономике. Все-таки я считаю, деконцентрация собственности это – ключевое понятие, ключевой вызов, с которым мы столкнулись. Мы не можем деконцентрировать собственность и это факт. Т.е. в данном случае, я имею в виду и демонополизацию отраслей экономики, и децентрализацию закупок. Ведь у нас не секрет, все же централизуется, это стало модой. По сути дела, сегодня вся страна ожидает... в едином акте закупок, как говорится, погрязла. Никто даже не считал каковы издержки оперативные от Закона о госзакупках. Все считают только сколько ты выиграл на масштабе закупок, но не считает никто противоположной стороны – сколько ты проиграл на неоперативности закупок. Сегодня вся страна ждет, когда утвердятся бюджет. После того как бюджет утвердился, все ждут, когда откроется финансирование. Когда откроется финансирование к тому времени, уже к концу года, все поставщики за короткий срок откажутся... Надо же тендеры еще объявить. Они отказываются участвовать. Все плохие участвуют. Естественно, по этому закону по минимальной цене все фугуют и выбирают поставщика. Плохие поставщики участвуют. Среди них еще по самой минимальной цене выбирается. Естественно будет срыв поставок, естественно будет отсутствие качества, естественно будут суды, но никто не пойдет на отмену закупок – целый год ждали, наконец-то, централизовано все поступило, централизовано закуп везде осуществляется, начиная с любой компании. В конце концов все упирается в то, что никто ничего не успевает. Ба-бах – закрывается 31 декабря бюджет, всем до свидания. Естественно, мы сами себя вогнали в такую мощную круговерть транзакционных издержек. По сути дела, сегодня ничего нельзя планировать, потому что все зависит от того, как быстро все утвердится, как откроется. Все в узкое горло государственного управления и финансирования уперлось. Я считаю, это – большой вызов. Нам нужно децентрализовывать все закупки, децентрализовывать все операции экономические, нам нужно демонополизировать отрасли. В целом нам нужно деконцентрировать собственность. Как это сделать люди сегодня представления не имеют. Почему? Потому что создан системный эффект централизации. Сегодня мы привыкли. К примеру, у нас был недавно дискуссия, я предлагал децентрализовать закупки Самрук-Казыне, и спикер мне возразил (и я считаю, в этом есть определенное рациональное зерно в том, что он

говорит): извините меня, сейчас уже все люди привыкли уже к централизации, уже все понимают на масштабе закупок, сейчас, Канат Ильич, это изменить будет тяжело. А я и не предлагаю отказаться от централизации. Я просто хочу, чтобы централизация шла не сверху, а снизу. Пускай субъекты операций будут подконтрольны со стороны центра, и отдавать то, что сами на местах не могут решить, чтобы централизация возникала естественно. А когда центр – субъект контроля – забирает себе операции с мест, он становится субъектом операций. А кто будет тогда субъект контроля контролировать, если он сами оперирует!

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Канат Ильич, очень неожиданный неординарный подход выбора в контексте масштаба 30 лет сконцентрироваться на госзакупках. Это важно.

КАНАТ НУРОВ: Это просто аспект деконцентрации собственности. Я считаю, нам нужно собственность деконцентрировать. Разгосударствление, приватизация – это большой вызов.

КАНАТ НУРОВ: Четвертое достижение – мы преодолели демографический кризис. Ну, что говорить, шум-гам-тарарам был большой, что умирает род казахов, умирают вообще казахстанцы, уезжают, но смотрите коллеги, сегодня уже совсем недалеко осталось до 20 миллионов населения. Еще чуть-чуть и 20 миллионов населения у нас будет. А 20 миллионов – это критически важная для самодостаточности экономики цифра, возможно я устарел по своим экономическим взглядам.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Вы готовы это и Финляндии рассказать пятимиллионной?

КАНАТ НУРОВ: Я к тому, что 20 миллионов – это все-таки действительно такое народонаселение, которое позволяет нам существовать, иметь собственное производство во всем. У нас достаточно внутреннего рынка для этого. Другой вопрос, что мы сейчас полностью взаимопроникли с глобальной экономикой, от импорта и экспорта сильно зависим, но 20 миллионов человек – это хороший внутренний рынок для возможности собственного производства всех необходимых жизненно-важных видов продукции. Пандемия показала, что без этого не обойтись. Легко по щелчку национальные границы закрываются, никакое глобальное правительство олигархическое или ООН никто не поможет. Национальные правительства оказались сильнее любой глобальной олигархии, хотим мы этого или не хотим. Вот грош цена всем этим спорам, о том, насколько влиятельна глобальная финансовая олигархия. Да, влиятельна, но извините меня, они не управляют этим миром пока, даже ООН не управляет. То есть я считаю, что это большой вызов - как обеспечить занятость молодежи, как препятствовать иммиграции и утечки мозгов, почему? Потому что, что произошло, я говорю эвфемизмами, но если брать эти все вещи, то по сути дела, сегодня казахи, как титульная национальность, по сути дела стали большинством почти во всех областях. В этом конечно большое преимущество с точки зрения национальной и прочей геополитической безопасности, но в этом и большой вызов: как нам удерживать остальные национальности, которые боятся, что их будут заставлять говорить на казахском языке, как нам препятствовать утечке мозгов потому что люди хотят уехать и реализовать себя на Западе, в образовании, то есть получить бесплатное образование, в той же России. Есть большая проблема с идеологическим вакуумом, то есть каким образом успокоить население, что отныне казахский национализм не угрожает никому, и любому другому национализму других этнических меньшинств мы тоже не позволим быть, как и шовинизму казахскому.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Тем не менее есть, я не буду говорить про конфликт в Кордае, про погромы дунган.

КАНАТ НУРОВ: Вы же знаете, как возникают этнические конфликты. Конфликт культур всегда есть. Но когда есть социально-экономические условия для его разгорания, то, собственной природы то нету у этнических конфликтов, они всегда накладываются на какие-то глубинные причины. К примеру, если у человека есть групповое позиционирование... Вы знаете, у нас проблема, то есть это к вопросу о нашем вызове — это как преодолеть групповое позиционирование людей в обществе нашем. Если у нас будет индивидуальная конкуренция, а не групповая, это будет самое важное разрешение этой проблемы, этого вызова, связанного с идеологическим вакуумом, занятости молодежи, иммиграцией, утечкой мозгов. То есть демографический кризис мы преодолели, а теперь мы должны сделать так, чтобы люди оставались из этнических меньшинств, не уезжали. Для этого необходимо четко показать, что не только казахи, но и все остальные национальности больше не конкурируют группами. Вы знаете, основная проблема какая у культуры любого общества? В том, что люди конкурируют группами. Для чего они объединяются в группы? Собственно говоря, homo sapiens победил неандертальца, потому что был более социален, а не потому что был более умный. Если не отвлекаться, то по сути дела, если кого-то обижают конкретно, индивидуально, он же рассматривает это не то чтобы это его индивидуально обижают, это не он не успешен. Если, к примеру, правовая система не работает, то он думает «это потому что я казах», допустим, или «потому что я не казах». Разницы нет. Запускаются силовые сценарии разрешения конкуренции, а групповая конкуренция всегда приводит к конфликтам силовым. Когда люди будут мыслить с точки зрения права, с точки зрения индивидуальной самоидентификации, индивидуальной конкуренции, что конкурируют личности, индивидуумы, а не группы, вот тогда мы эту проблему (вызов, связанный с тем что мы демографическую проблему разрешили как в плане количества народонаселения, так и большинства титульной национальности во всех регионах) окончательно разрешим. Тогда у нас будет население очень быстро прирастать не только естественной рождаемостью, но и тем, что люди будут к нам приезжать в Казахстан, когда увидит, что действительно нету групповой конкуренции, здесь индивидуальный порядок конкуренции, а он связан с расширенным порядком взаимодействия, с рыночным порядком, потому что рыночный порядок – это расширенный порядок взаимодействия. К сожалению, когда вы группируетесь, вы уже не являетесь расширенным порядком взаимодействия, потому что узкие, да и любые группы всегда узки, а общество широко только тогда, когда личность себя позиционирует в нем только как в плане индивидуальной самореализации. То есть я считаю, что, когда мы будем мыслить индивидуально, а не групповым образом, все эти этнические конфликты сами по себе исчезнут, потому что все будет упираться только в правовые аспекты.

И тут мы переходим к следующей паре достижений и вызовов. Следующая пара достижений и вызовов – мы достигли профессионального государства. Я считаю, что наша страна неплохо управляется. Вот я просто уже побывал, и с точки зрения законодательной власти, вижу, как работает исполнительная власть, как работает судебная власть. Я вижу, что страна наша неплохо управляется, вижу с другой стороны все. То есть я всегда вообще считал, что никогда не бывает однозначно чего-то хорошего или плохого, все одновременно является и плохим, и хорошим.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Правильно я понимаю, Канат Ильич, вы к этому выводу уверенно подошли после того, как стали депутатом Мажилиса и получили опыт законотворческой работы и столкнулись с исполнительной властью? До этого у вас наверняка было другое мнение.

КАНАТ НУРОВ: Ну я скажу так, я предполагал, что не все так плохо. Я предполагал, что много чего мы не знаем и не имеем никакой информации об этом, что проблема всегда

глубже, чем нам кажется со стороны. Но сейчас я убедился в этом... К примеру, если вы видите, вот когда поднимаешься на «пандус смерти», ветер где гуляет (ну к Ак Орде, по Мэнгілік ел два моста), там стоят такие заборчики. Я себя поймал на мысли недавно: вот там стоит воин, меня пропускают, потому что, наверное, меня в лицо знают, я особо не показываю ничего, но пробегаю. И по идее, если бы я раньше пришел, я сказал бы «А что такое, откройте, пусть народ ходит» и все, проблем нет. А сейчас, когда я вижу, когда тебя цепляют за руки, и свои личные проблемы сует, а не государственного характера... каждый же пытается свою личную проблему решить, неважно, как при этом право нарушится, как нарушатся общие ценности. «Вот ты давай эту проблему реши!», допустим. К примеру, многодетные матери собираются, двигаются. Пускай меня закидают камнями, но извините меня, у нас не только многодетные матери испытывают проблемы. Да, они должны в первую очередь поощряться. Но, извините, а разве у нас матерей-одиночек меньше в Республике. У нас даже понятия такого нет, мать-одиночка для социальной поддержки. Я не знаю, может я ошибаюсь...

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Есть понятие неполные семьи, которые имеют возможность вступить в очередь по получению социального жилья.

КАНАТ НУРОВ: Кто-нибудь когда-нибудь в этой очереди состоял? Я не знаю.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Свыше 500 тысяч человек в Казахстане состоит в этой очереди, и основная категория, где-то 170-180 тысяч человек, это - как раз неполные семьи.

КАНАТ НУРОВ: Но я скажу так, если вы посмотрите статистику, или хотя бы в чатах побываете этих неполных семей (такой эвфемизм, по сути дела речь идет о матерях-одиночках), то просто-напросто люди отчаиваются там стоять, они даже не знают, как туда попасть. Я считаю, что если это единственная льгота для таких семей, то это большая проблема. К примеру, я считаю, мать-одиночка должна работать; а чтобы она работала должны и садики, и кружки работать, и бесплатными они должны быть. То есть я к тому, что все неплохо управляется. Есть проблемы, которые трудно разрешимы как оказалось. И если ты откроешь возможность для толпы забегать в Парламент, в Правительство, я не думаю, что они добавят качества принимаемых решений. То есть если возьмете социальные сети, почитаете их предложения и их рассуждения, как они выигрывают по сравнению с такими бюрократическими формулировками того или иного закона или постановления...?

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Ну это я называю в стиле «А что там думать, надо все взять и поделить»

КАНАТ НУРОВ: То есть я к тому, что я вижу, что государство профессиональное, страна неплохо управляется. И у нас самое главное, когда я говорю профессиональное государство – сильная власть. То есть я всегда был противником сильной власти, я вообще сторонник демократии, и не просто демократии, а либеральной демократии, не в сторону социальной демократии, а в сторону именно индивидуализма, в сторону того, что люди должны быть не равны, а равноправны. И тем не менее, я считаю, что сильная власть – это наше достижение. Потому что мы видим, какие катаклизмы возникают в соседних странах, в мире. Я считаю, что если не будет власти как таковой, то мало не покажется никому. Сегодня я считаю, сильная власть профессионального государства (эти вещи связаны) – это наше достижение за 30 лет.

Какой возникает вызов в связи с этим, какая проблема? Ну проблема, она очень простая. Когда сильное профессиональное государство, сильная государственная власть, возникает проблема правового государства. Как нам все-таки довести до конца построение правового государства? Не секрет, что сегодня наша сильная власть

основывается на нашей Конституции, которая зиждется на понятии суперпрезидентской республики. То есть по сути дела это Пятая республика французская, ее образец, где президент является не только главой государства номинально, но и фактическим главой исполнительной власти. Да, есть премьер-министр, но по сути дела это просто-напросто мальчик для битья, и по сути дела президент назначает премьер-министра, и даже, наверное, влияет очень сильно на министров. И хотим мы этого или не хотим, у нас нету разделения властей, у нас есть разделение ветвей власти. У нас в Конституции записано, что это единая государственная власть по сути дела разделяется на ветви власти, против чего я категорически против, с юридической точки зрения. Монтескье не об этом писал, он говорил про разделение властей. Любой юрист, более-менее правовед, он скажет вам, что речь шла о разделении властей, разных властей, а не ветвей единой власти. В этом суть системы сдержек и противовесов. Если в парламентской республике, там все зависит от парламента, и в парламенте правящее большинство это и есть правительство - и здесь есть свои минусы. Минус то, что нестабильность политического управления, и если нету хороших традиций политических, то страна впадает в хаос. Тем не менее и там...

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Канат Ильич, вы полагаете, нам нужна другая форма политической системы, не суперпрезидентской вертикали власти?

КАНАТ НУРОВ: Я еще не сказал, в чем вызов. Вызов именно в том: как нам построить правовое государство при сохранении суперпрезидентской республики. Я почему говорю, что пока рано отменять это положение, что президент не только глава государства, но и глава исполнительной власти? (Я понимаю, что в Конституции нигде не записано, что он глава исполнительной власти, но поверьте мне, с точки зрения логики, это так.) Я понимаю, что это нужно сейчас, в нашей геополитической обстановке по-другому никак не получится.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Есть идеи, как нам достичь правового государства?

КАНАТ НУРОВ: Я считаю, вызов какой? Как нам достичь правового государства, построить, завершить его при условиях этой модели президентской республики, суперпрезидентской. Я считаю, все-таки самая ключевая точка – это независимый суд. Независимость суда от исполнительной власти. То есть и финансовая его независимость, и административная, все виды независимости, какие возможно, они должны быть. То есть права человека – вот что нам нужно соблюдать. Это большой вызов, потому что сейчас, когда мы достигли одной стороны дела – сильное государство, то как нам теперь достичь другой стороны? Как гражданское общество может защищать свои интересы, кроме как не через права человека. Сейчас идет у нас очень интересный законопроект по уполномоченному по правам человека – омбудсмен. Там очень много чего напутано. Я просто не хочу ничего испортить, потому что Нацсовет сам это инициировал, хотел, чтобы это было, и поэтому сейчас это все запустилось, законопроект реализовывается, это четвертый пакет реформ политических. Там четыре пакета реформ, и в рамках этого вообще запускалась идея уполномоченного по правам человека, и это очень хорошая идея. Но сенаторы его инициировали именно как закон обычный, а не конституционный закон. И с этим возникло очень много проблем. Если уполномоченный по правам человека не может обжаловать решение судов, то зачем вообще он нужен. Но при этом мы не можем на уровне закона обычного зайти в другие конституционные законы. Изначально была проблема в том, что надо было его инициировать как конституционный закон, а не как просто закон, потому что сейчас непонятно.... Уполномоченный по правам человека, в моем представлении, он занимает какую-то государственную должность, является важным противовесом в исполнительной власти генеральной прокуратуре. Генеральная прокуратура тоже особенный орган исполнительной власти, она следит за

законностью всего и вся, даже судов. В этом и есть сдержки и противовесы между судебной властью и исполнительной властью. Судебные решения важнее, чем решение исполнительной власти, в то же время судебная власть следит за законностью судебных решений. Но имейте в виду, Генеральная прокуратура – это же государственный объединитель, оно же прежде всего имеет в виду интересы государства как такового, как абстрактного тела, общественно необходимой функции, и это очень важно. А где противовес?

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Но насколько я помню, могу ошибаться в законе о Прокуратуре, основная функция этого органа – это надзор за соблюдением законности.

КАНАТ НУРОВ: В чьих интересах?

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Славного народа Казахстана.

КАНАТ НУРОВ: То есть интересов государства, потому что государство – это единственный официальный представитель всего народа Казахстана. Все остальное - это не весь народ Казахстана.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Что вы понимаете под государством?

КАНАТ НУРОВ: Официальный представитель общества, то есть аппарат управления обществом, которое является единственным официальным представителем общества. Все остальные представители общества, это не официальные представители общества.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Вот есть другое понимание определения государства, одно из, о том, что это совокупность. В том числе есть власть, бюрократия, есть неправительственные секторы, есть бизнес-предприниматели и так далее, общество и все мы вместе.

КАНАТ НУРОВ: Это вы путаете понятие страны с понятием государства. То есть вы в данном случае имеете в виду страна-государство, а я имею в виду государство как аппарат управления обществом (там есть и законодательная власть, и исполнительная, и судебная – это все государство конечно, не только Правительство), но тем не менее это государство, согласны?

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Не совсем, ну хорошо, продолжайте.

КАНАТ НУРОВ: И прокуратура, она прежде всего печется о народе в целом, значит о государстве, потому что государство представляет народ в целом, эта логика безупречна, можете не сомневаться. А когда мы уже ведем речь о ком-то одном, и о какой-то группе, это уже другой вопрос. И вот тут-то я хотел сказать, вот уполномоченный по правам человека, на этом уровне государственном, должен был составить противовес прокуратуре, он тоже должен иметь такие же полномочия, как и прокуратура генеральная, но только с точки зрения соблюдения прав человека. А что в итоге получается? В итоге мы не можем такие полномочия ему дать потому что это не конституционный закон. То есть сенаторы изначально сыграли злую шутку с этой инициативой Национального совета, потому что сегодня я не могу ничего сделать с тем, чтобы это изменить. К примеру, сейчас я говорю: друзья мои, есть уполномоченный по правам человека, есть национальный центр по защите прав человека, то есть, есть отдельный директор этого национального центра, а есть уполномоченный по правам человека, который не имеет отношения к этому директору. Но у уполномоченного по правам человека только единственный офис – это Национальный центр прав человека. Но разве по должности он не должен являться автоматом директором этого Центра?

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Но это можно интерпретировать, что одна власть не хочет делиться властью.

КАНАТ НУРОВ: Я повторюсь еще раз, мы сейчас не можем понять, я по крайней мере не могу понять, уполномоченный по правам человека где? Он в госорганизации, госоргane при Парламенте, или он в госоргane, госорганизации при Правительстве? Естественно при Парламенте, раз уж Сенат его там избирает, утверждает. Но тогда почему пишут, что он не занимает государственной должности. Я ввел поправку, что он занимается государственной службой в рамках защиты прав человека, то есть он не может не заниматься государственной деятельностью. Но только он не имеет права заниматься никакой иной государственной деятельностью, кроме защиты прав человека. А у нас берется - «он не государственное лицо». А кто он тогда? А если он гражданское лицо, или гражданский институт гражданского общества, тогда какое отношение к установлению гражданского общества имеет парламент государства, понимаете? Государство не учреждает гражданские институты. Нам нужно при сохранении существующей модели президентской республики достичь правового государства через независимость судей, независимость судебной системы. И в этом отношении, я считаю права человека должны стать корнем всей судебной правовой реформы, смыслом ее. И вот тогда, через независимость судов, возможно мы все остальное вытащим. Вот это вызов: как сделать так, чтобы судебная система была реально независима от Правительства.

Следующая пара – это, наверное, самое тяжелое для меня признание, но новая столица Астана по сути дела стала новым республиканским центром.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Это говорит коренной алматинец.

КАНАТ НУРОВ: Да, я сейчас вижу, что Нур-Султан действительно стал столицей Казахстана, это большое достижение. И в этом отношении по сути дела каким бы Алматы не был сильной, как в культурном, так и в экономическом отношении, Нур-Султан все-таки стал столицей нашей Республики. Я сейчас это вижу, я сейчас дышу этим воздухом, я чувствую, что это столица. Не только потому что здесь решаются дела, но и потому что город стал таким, город стал действительно столичным.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: В чем это выражается? Субъективные признаки, приметы, детали?

КАНАТ НУРОВ: Ну раньше ты приезжал в Астану как в какую-то матрицу, какое-то виртуальное пространство, якобы столица, якобы город, якобы левобережье. А сейчас все не якобы, все реально. Левый берег – это по сути дела новый город по сравнению со старым городом в Нур-Султане, и улицы, дома, люди - все довольно реально. То есть я считаю, это большое достижение. Эта столица находится в центре Казахстана.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Почему об этом тяжело говорить?

КАНАТ НУРОВ: Потому что я до последнего считал, что Алматы важнее. Я считаю, что Нур-Султан сегодня важнее. Алматы – это важный региональный центр.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Вы чувствуете разницу между людьми коренными жителями Алматы, патриотами Алматы, которых мы все любим и уважаем, гордимся и ценим, и столичным образом мышления?

КАНАТ НУРОВ: Я сам горжусь, тем что алматинец, я сам горжусь, что тот уровень культуры, который я сюда привношу в столицу, сыграет свою роль. Но хотим мы этого или не хотим, все-таки столица сегодня Нур-Султан, и это факт. И это не только культурный факт, но и геополитический. То есть по сути дела, где находится Нур-Султан? В самом центре страны и даже выше, ближе к северу. И где находится Алматы, на самом краю

юго-востока. Я считаю все-таки это большое достижение. Только сейчас я понимаю, пусть меня закидают камнями, как нур-бота, это было мудрое решение.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Мудрейшее. Я не смеюсь. Наоборот, я поражаюсь, как мне говорили, в 96 году, по-моему, было принято решение, а его практически никто не поддерживал, включая всех депутатов.

КАНАТ НУРОВ: Я тоже это не поддерживал.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Все были категорически против, но тем не менее Нурсултан Абишевич сумел убедить, навязать в какой-то степени, и это настолько дальновидное прозорливое решение было, которое вообще предопределило дальнейший трек развития страны.

КАНАТ НУРОВ: Он продавил это решение – это факт. Но я скажу, что это был тот случай, когда большинство не право. То есть большинство не право, а он был прав.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Оно как правило всегда не право.

КАНАТ НУРОВ: Я бы не сказал, что всегда, но как правило. Потому что в условиях, когда нужно принять качественное решение, должны готовить решение не все, а только имеющие отношение к этому люди, заинтересованные люди, профессиональные, компетентные, которые с этим связаны, которые в материале. А если мы будем все делать по большинству голосов, независимо от компетентности, тогда мы просто все профанируем, вот и все.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: И обратная сторона?

КАНАТ НУРОВ: Обратная сторона – это то что сегодня нам предстоит сделать так, чтобы не только Астана, Алматы, Атырау или Актау, Шымкент были центрами какими-то важными. Никто не отменял закон неравномерности в развитии. Я вообще не против неравномерности в развитии, но все-таки я считаю, большой вызов состоит в том, чтобы, образно говоря, страна была без окраин. Как сделать так, чтобы вся страна, хоть пускай в меньшей мере, но отражала в себе все величие Нур-Султана и Алматы. Я считаю, что в каждом городе это величие, эта культура должна присутствовать, начиная с интернета, заканчивая медицинской и прочей помощью, я уже не говорю про образование. В этом отношении я вижу единственный путь, большой вызов: нам нужно так децентрализовать государственное управление и финансирование, чтобы страна стала без окраин. Сегодня мы сильно завязаны на республиканский бюджет. Я считаю это неправильно. Нам сделать должно так, чтобы каждая территория имела свой бюджет, имела свои налоги, и имела свои полномочия. Для меня было большим открытием, большим удивлением, что только сейчас, благодаря инициативам Касым-Жомарта Кемелевича Токаева, этот процесс начался. Я не знал, что нету ни бюджета, ни налогов, ни полномочий. Когда какие-то ролики показывают, о том, как в 90 годах страна разворачивалась при помощи местной власти, это от лукавого, этого не было никогда, центр все решал на местах.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: На правах дискуссии выдвину гипотезу, что как раз это был ключевой фактор сохранения и укрепления нашей государственности - бюджетная централизация, централизация полномочий, предотвращение любых центробежных тенденций, обратной стороной безусловно инфантильность и зависимость, но всегда нужно выбирать, это компромисс.

КАНАТ НУРОВ: Я поэтому и говорю, что это категориальная пара, в том плане, что с одной стороны мы имеем централизацию мощную в виде Нур-Султана, а с другой стороны перед нами стоит вызов как при сохранении этой централизации государственной власти,

как нам децентрализовать государственное управление. Все-таки, орган государственной власти – это централизация, но органы государственного управления все-таки должны быть децентрализованы. Решения и операции на оперативном уровне должны быть на местах

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Вы говорите про выборность на местном уровне?

КАНАТ НУРОВ: Вплоть до выборности. Но в данном случае меня не столько выборность интересует - этим люди занимаются и без меня - я хотел бы обратить ваше внимание на децентрализацию именно государственного управления, в том плане, что вы можете выбирать акима, можете не выбирать, но пускай у акима, который выберется или назначится, будут такие полномочия, которые позволят ему отвечать за эту территорию.

Еще одно достижение – на самом деле я уже почти десять обозначил, просто я их сгруппировал более крупно - последнее, что я хотел бы отметить, все-таки я считаю внешний политический мир - это наше достижение. Как оказалось, это не вполне естественное состояние. Естественное состояние оказывается война всех против всех, и мы видим, что огромное количество стран вошло в какие-то конфликты, и мы этих конфликтов избежали. Все-таки внешний политический мир, я считаю, это большое достижение нашей независимости, нашей правящей партии Нур Отан и эта многовекторная политика, которая была, выручала нас во многом, она сыграла свою роль я считаю. То есть я считаю, что здесь мы конечно при всей многовекторности смогли сохранить внешний политический мир - это очень важно, это достижение, я думаю с этим никто не будет спорить.

И обратная сторона, естественно - как нам сегодня остаться независимыми, в условиях, когда возникла геополитическая напряженность между уже не однополярным, а многополярным миром, и мы зажаты между Российской Федерацией и Китаем. И в данном случае, как нам продолжать оставаться независимыми без многовекторной политики. Сегодня, что греха таить, после событий в Украине, Российская Федерация несколько изменила парадигму отношения к ближнему зарубежью своему. Раньше если она говорила, что для нас самое главное, чтобы вы сохраняли нейтралитет, все остальное неважно. Но как оказалось, когда такое, люди даже его не сохраняют. Естественно, сейчас закручиваются как бы гайки, причем бездумно порой, и возможно, неправильно, но тем не менее Северный сосед требует какой-то большей лояльности, чем просто многовекторности. И как в этих условиях сохранить нашу национальную независимость без многовекторной политики? Я считаю, это большой вызов, который предстоит разрешить нашему Президенту, нашему Правительству и я думаю, они его разрешат.

РАХИМ ОШАКБАЕВ: Канат Ильич, спасибо большое. Очень интересный подход – категориальные пары. Я думаю, что ваша точка зрения, повторюсь еще раз, как репрезентативного представителя традиционной старой алматинской интеллигенции (надеюсь, что это не совсем уходящая натура) – этот взгляд мне был очень интересен. Спасибо.

КАНАТ НУРОВ: Вам спасибо. Мне всегда было интересно с вами разговаривать.